

К. Б. Егорова

ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ ПЕРВОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В статье рассматривается ситуация в первой Чехословацкой республике, дается характеристика национальной политики Томаша Гаррига Масарика, а также анализируются проблемы, с которыми пришлось столкнуться Чехословакии, присоединившей карпатские области. При написании статьи учитывались различные контексты: весь комплекс этнических проблем, оставшийся после распада Австро-Венгерской империи, развитие «русской акции» чехословацкого правительства, чешская политика «строительства государства». Национальная проблема в Чехословакии названа в статье культурным многоязычием, в условиях которого политическая жизнь, культура и литература распадались на несколько взаимодействующих процессов, имевших свои особенности и различную внутреннюю структуру. Одним из компонентов сложной национальной и языковой ситуации в первой Чехословацкой республике являлся карпаторусский вопрос, требовавший от правительства Масарика скорейшего разрешения, поскольку карпатороссы (русины) были подвержены различной политической агитации и легко могли перейти на сторону большевистской России, увеличив угрозу распада молодой Чехословакии. Библиогр. 38 назв.

Ключевые слова: история Подкарпатской Руси, национальная политика, Чехословакия, русинский вопрос, русины, национальное самоопределение.

К. В. Egorova

SUBCARPATHIAN RUS IN THE CONTEXT OF CULTURAL PLURALITY OF THE FIRST CZECHOSLOVAK REPUBLIC

Subcarpathian Rus was integrated into the First Czechoslovak Republic as a result of the Treaty of Saint-Germain-en-Laye (1919). The next year Subcarpatian Rus being a part of Czechoslovakia was declared a self-government autonomy with a certain number of democratic rights established by the Constitution. Among them was a right to use the national language. Codification of the Subcarpatian-Ruthenian language has not yet been completed and it is highly debated problem among contemporary linguistics.

After the World War I Subcarpathian lands with Ruthenian population was a poor farming region with low level of ethnic self-awareness. Global economic and politic processes changed the situation dramatically and pushed educated part of Subcarpatian Rus citizens into the discussion about national language, culture and literature. The President of Czechoslovakia T.G.Masaryk participated in the discussion and was highly interested in cultural development of the region. He had his geo-political goals as to prevent 'red aggression' spreading and to establish a clear boarder with RSFSR. The Czechoslovak President's cultural policy towards Subcarpatian Rus as not yet been analyzed or described. The study will examine the strategy of the Czechoslovak government and its role in informing Ruthenian national identity. Refs 38.

Keywords: Subcarpatian Rus, national policy, Czechoslovak, Ruthenian, national identity.

Егорова Ксения Борисовна — кандидат филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4; xenia.egorova@gmail.com

Egorova Kseniya Borisovna — PhD, Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS, 4, nab. Makarova, St. Petersburg, 196135, Russian Federation; xenia.egorova@gmail.com

* Грант РГНФ №16-04-50095 «История одного славянского пограничья: Подкарпатская Русь в контексте литературных и эстетических исканий русской и украинской эмиграции».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Первая Чехословацкая республика (1918–1938) стала одним из европейских государств, возникших после поражения Австро-Венгерской империи в Первой мировой войне. Границы Чехословакии были окончательно определены Сен-Жерменским мирным договором, в соответствии с которым в состав нового государства вошли чешские земли (Богемия, Моравия и Силезия), Подкарпатская Русь и населенные этническими словаками венгерские провинции. Во главе нового государства стоял влиятельный чешский политик Т. Г. Масарик¹. Идея «чехословакизма», постулировавшая право чехословаков как единой нации на государственное самоопределение, была выдвинута сформировавшимся в годы войны за пределами Австро-Венгрии Чехословацким национальным советом, председателем которого являлся Масарик. Однако национальная политика первого президента была уязвима, поскольку не учитывала в полной мере национальных интересов всех этнических групп, населявших земли Чехословацкой республики. Сама концепция «чехословакизма», автором и пропагандистом которой был Масарик, стала примером искусственного объединения двух наций, имеющих собственные исторические пути развития, для достижения политической цели [Бобраков-Тимошкин 2008].

Во время публичных лекций в Европе и в Америке, а также личных встреч с лидерами Антанты Масарик сталкивался с необходимостью доказать этническое единство чехов и словаков, которое могло гарантировать право нации чехословаков на государственное самоопределение и создание моноэтнического государства. После распада Австро-Венгерской империи установление официальной идеологии чехословакизма было гарантом единства страны и могло предотвратить ее дробление по национальному признаку. Словаки, формально также получившие независимость и право на культурное и политическое самоопределение, фактически оказывались в зависимом положении и играли второстепенную роль в жизни Града, что создавало напряженную внутривнутриполитическую ситуацию в стране. О внутренних противоречиях национальной политики Масарика, а также о том, насколько остро стоял чешско-словацкий вопрос, существует немало отечественных и зарубежных исследований [Щербакова 2006; Bakke 1999; Deák 1991; Pospíšil, Zelenka 2000; Rychlík 1997].

Национальный вопрос усложнялся еще и тем, что на территории Чехословакии исторически проживали немцы, стремившиеся к укреплению в чешском парламенте собственной партии, венгры и подкарпатские русины, находившиеся на начальной стадии национального и политического самоопределения и получавшие серьезные государственные дотации на развитие образования, здравоохранения и культуры Карпатского региона [Власть и общество 2008; До и после Версаля 2009; Карпатские русины в славянском мире 2009; Bakke 1999; Kazbunda 1995; Kárník 2000; Kovtun 2005; Peroutka 1991; Pospíšil, Zelenka 2000]. Первые годы существования республики ознаменовались чешско-польским конфликтом (Тешинский конфликт), который вылился в Польско-чехословацкую войну.

В соответствии с послевоенными настроениями чехословаков немецкое население страны оказывалось на правах национального меньшинства (что едва ли соответствовало действительности) и играло второстепенную роль в чехословацкой политике: «...Каждому чеху и словаку (и немцу) ясно, что немец не является в пол-

¹ Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) — чешский общественный и политический деятель, философ и социолог, профессор Пражского университета.

ной мере “чехословаком” и не принадлежит к “чехословацкому народу”, но представляет лишь одно из национальных меньшинств, населяющих республику. <...> Это понимание чехословакизма, расовое в своей основе, столкнулось в дальнейшем политическом развитии с рядом трудностей» [Rádl 1993, s. 179; перевод наш].

Масарик, всегда стоявший на прагматической точке зрения, считал резкое противопоставление германского мира славянству неприемлемым для молодого государства, а потому шел на некоторые уступки в пользу немецкоязычного населения Чехословакии (например, в вопросе государственного языка), чем вызывал недовольство в рядах чешских и словацких лидеров, мечтавших навсегда избавиться от угнетателей славянства, мешающих чехословакам в полной мере насладиться долгожданной свободой. Чешские политики настаивали на радикальных мерах по отношению к немецкоязычному населению, Масарик же не мог допустить разделения страны на автономные области, а потому предлагал немцам сотрудничество и не препятствовал их участию в деятельности административных и государственных учреждений [Kovtun 2005, s. 190].

В Чехословакии в 1920-е годы можно было свободно говорить на немецком языке, которым владели не только этнические немцы, но и почти все население страны. В первые годы существования республики президент не мог провозглашать в качестве государственных только чешский и словацкий языки; этот шаг был обусловлен внутривнутриполитическими причинами и вновь легитимировал немецкий язык, звучавший повсеместно, несмотря на подчеркнуто отрицательное отношение славянского населения Чехословакии ко всему немецкому, т. е. напоминающему об Австро-Венгрии.

Особенностью культурной среды Чехословакии 1920-х годов стала предельная заостренность германо-славянского вопроса, который занимает отдельное место в европейской истории идей. Для Чехословакии была характерна ситуация культурного многоязычия, в условиях которого политическая жизнь, культура и литература распались на несколько взаимодействующих процессов, имевших свои особенности и различную внутреннюю структуру. Одним из компонентов сложной национальной и языковой ситуации в первой Чехословацкой республике был карпаторусский вопрос, требовавший от правительства Масарика скорейшего разрешения, поскольку карпатороссы (русины) были подвержены различной политической агитации и легко могли перейти на сторону большевистской России, увеличив угрозу распада молодой Чехословакии.

Исследователи-фольклористы, антропологи и историки обращались к изучению карпаторусского региона. О том, насколько объемна современная литература по русинскому вопросу, можно судить по аннотированной пятитомной библиографии карпаторусских исследований, составленной и изданной Полем Магочим [Carpatho-Rusyn Studies: An Annotated Bibliography, 1988–2012]. Анализ этих материалов показывает, что вопросы культурной и политической жизни Подкарпатской Руси в их соотношении с внутривнутриполитической обстановкой в первой Чехословацкой республике остались на периферии исследовательского внимания и нуждаются в специальной разработке.

Начало политической истории Подкарпатской Руси в качестве автономии, входящей в состав первой Чехословацкой республики, было также положено Сен-Жерменским мирным договором 10 сентября 1919 г. Третья секция этого договора

была посвящена установлению границ нового славянского государства. Это был первый официальный документ, устанавливающий автономию русинских земель в составе Чехословакии. Однако название автономной области долгое время оставалось предметом дискуссий. В Меморандуме о Подкарпатской Руси, который стал одним из первых официальных чехословацких документов, посвященных экономическим, политическим и культурным проблемам региона, говорилось: «Название региона и населения все еще не установлено» [Dokumenty o Podkarpatské Rusi 1997, s. 5–11]. В 1919 г., когда появилась первая редакция «Генерального устава по организации и администрации в Прикарпатской Руси» («Generalní Staut pro organizaci a administraci Příkladské Rusi»), бытовало несколько названий для русинских территорий: Прикарпатская Русь, Подкарпатская Русь и Русинско (образовано по примеру чешских и словацких названий стран, ср.: Словенско, Чехословенско). При этом в ряде документов отмечалось, что закрепление названия Русинско в качестве официального наименования автономной области может стать наиболее рациональным решением вопроса.

Все три варианта названия использовались на протяжении первых лет существования подкарпатской автономии. Известное нам сейчас название (Подкарпатская Русь) окончательно закрепилось только в 1920 г. в тексте Конституции Чехословакии, что могло быть связано со сложным процессом присоединения этих земель к Чехословацкой республике и существовавшей вплоть до 1920 г. неоднозначности в отношении государственной границы и даже угрозы будущему демократическому строю на подкарпатских территориях (так, в 1918–1919 гг. русины провозгласили независимую советскую Руську Краину). Чешский писатель Иван Ольбрахт (1882–1952), автор вышедшей в 1935 г. серии репортажей о Подкарпатской Руси, назвал эту область «землей без имени», что соответствовало реальности: для многих представителей чехословацкой элиты эта земля так и не получила имени, оставалась неизвестной, заповедной территорией.

История Подкарпатской Руси, на наш взгляд, может быть рассмотрена как история воображаемого сообщества (imagined community), национальный миф которого конструировался извне [Anderson 2006]: в XIX в. основы национального самоопределения этого сообщества были заложены в трудах славянских будителей [Šafařík 1826], а также в работах карпаторусских политических и культурных деятелей [Лучкай 1999–2004; Духнович 1981]; новая же политическая история этого региона, возникшего на обломках Австро-Венгерской империи, творилась в кабинетах чехословацких министров, на страницах чехословацких литературных произведений (например, роман Ивана Ольбрахта «Разбойник Никола Шугай» (1933) или Карела Чапека «Гордубал» (1933)).

В 1920-е годы некоторые чешские и словацкие ученые были командированы в Подкарпатскую Русь для изучения традиций, культуры и быта этого региона (изучением региона занимались Антонин Гартл, Йиржи Крал, Франтишек Тихий, Йозеф Пешек, Йиржи Нечас, Алоиз Гора; русские эмигранты Д. Н. Вергун и С. К. Маковский). Вероятно, результатом одной из таких командировок были работы министра внутренних дел и журналиста Яромира Нечаса (1888–1945), в которых подробно анализировались все общественные и политические движения в регионе, перспективы развития внедренных Чехословакией образовательных программ и особенности языковой ситуации в подкарпатской области [Nečas 1997]. В 1920–1930-е

годы появилось множество исследований подобного рода: географические описания подкарпатских территорий, исторические обзоры, путеводители для чехословацких туристов, этнографические заметки [Hartl 1924; Král 1923; Podkarpatská Rus 1936; Pešek 1921; Natalak 1936; Olbracht 1935; Dostál 1936].

Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии поставило перед правительством Масарика ряд вопросов, которые требовали скорейшего разрешения. Во-первых, необходимо было осмыслить само понятие автономной области в составе республики и определить взаимодействие русинского сейма с чехословацким правительством. Это был очень противоречивый и сложный процесс, который болезненно сказывался на становлении русинского национального самосознания, поскольку полная автономия края так и не была создана. Экономические проблемы региона также приходилось решать правительству за счет бюджета Чехословакии. Пражский Град был вынужден объяснять свое намерение оказывать всестороннюю финансовую поддержку Подкарпатской Руси в официальных речах, обращенных к чехословацкому населению, настроенному крайне скептически по отношению к расширению государственных границ за счет присоединения малоразвитого с экономической и культурной точки зрения региона. В 1924 г. об этой волне интереса к Подкарпатской Руси высказался журналист и исследователь русинских политических течений Антонин Гартл (1885–1944), заметив, что «со всех сторон слышны призывы к научному изучению Подкарпатской Руси и разговоры о возможностях, которые она предоставляет для исследовательской деятельности, ведь это девственно чистая территория; научная мысль ее или вовсе не коснулась, или коснулась лишь поверхностно» [Hartl 1924, s. 2; перевод наш].

Чехословацкие политики (в частности, Эдвард Бенеш (1884–1948)) ссылались на ответственность Чехословакии перед русинами, которые международным решением переходили под братскую опеку молодой славянской республики. Именно эту идею подчеркнул также историк Камил Крофта (1876–1945) в цикле лекций, прочитанных в 1920-е годы в Ужгороде и Мукачево. Он отметил, что Чехословакия должна «исполнить великую миссию, на нее возложенную, и старательно заботиться о повышении культурного и социального уровня в регионе» [Krofta 1995, s. 33]. Еще более патетично обращался к русинам и всему чехословацкому обществу премьер-министр, а позже министр иностранных дел Эдвард Бенеш, который заявил, что «единственная надежда подкарпатского народа — это Чехословакия» [Beneš 1996, s. 16]. В отдельных работах Подкарпатская Русь называлась с долей иронии и снисхождения «чехословацким любимчиком и баловнем» [Kochanuj-Goralčuk 1931, s. 5], звучали и невероятные предположения о великой миссии Чехословакии в деле спасения гибнущего русского народа, представленного русинами, обращающимися за помощью к братьям чехам и словакам [Hora 1919, s. 28]. Подобная агитация могла иметь успех в обществе, которое еще недавно также обращало свои взгляды к России в поисках помощи и защиты.

Необходимость многократно повторять мысль о великом долге Чехословакии перед Подкарпатской Русью и обосновывать стратегическую важность включения этого региона в состав республики была продиктована скептическим отношением чешской и словацкой общественности к расширению границ государства за счет бедного и малоразвитого региона. Подкарпатские земли воспринимались обществом как чужие, случайно попавшие под чехословацкую опеку. Более того, суще-

ствовало опасение, что вскоре весь подкарпатский регион нужно будет вернуть хозяину (Венгрии или даже России). Это повлекло за собой восприятие подкарпатской политики, проводимой правительством, как временной акции, ненужной чехословацкому обществу. Так, профессор Карел Кадлец (1865–1928), высказавшийся о проблемах региона одним из первых, прямо назвал Чехословацкую республику «временным держателем чужого имущества» [Krofra 1995, s. 5]. Его взгляды разделял профессор Виктор Дворский, который в работе «Подкарпатская Русь — как область» [Восемь лекций о Подкарпатской Руси 1925, с. 5–11] определил русинскую политику Чехословакии следующим образом: как можно лучше приготовить этот регион для будущего хозяина, который присоединит его к своему имуществу.

Чехословакия столкнулась с целым рядом проблем: от необходимости оказывать финансовую помощь и поддержку региону до конструирования мифа о долге республики по отношению к карпатским братьям и высшей миссии чехословацкого общества, возложенной на него мировыми державами. Однако наиболее сложным и противоречивым оказался языковой вопрос, который на протяжении столетий был поводом для дискуссии между приверженцами украинофильских и русофильских взглядов на проблему кодификации русинского языка.

В Генеральном уставе, отразившем основные принципы организации культурной, политической и экономической жизни региона, проблема языка была прописана так: «Лучше всего языковой вопрос будет решен следующим способом: в школах языком обучения станет язык народный, он также будет официальным языком вообще. В старших классах средних школ, а по необходимости и в остальных, может быть введен великорусский язык» [Dokumenty Podkarpatské Rusi 1997, s. 47].

Однако подобное положение не могло разрешить языковую проблему региона, поскольку, называя официальным языком русинский, правительство брало на себя масштабную задачу кодифицировать этот славянский язык и внедрить единую литературную норму в систему школьного образования.

Для организации учебного процесса на русинском языке были необходимы грамматики и учебники, отражающие эту новую языковую норму. Безусловно, первые попытки создать единую грамматику языка карпатских славян были предприняты еще до распада Австро-Венгерской империи. Начало процесса кодификации русинского языка было положено в конце XVIII в. изданием книги Арсения Коцака (1737–1800) «Грамматика русская сиречь правила извещательная и наставительная о словосложении слова языка славенского или русского» (последняя редакция 1788 г.). Коцак во многом опирался на грамматику Смотрицкого (создавалась в 1618–1619 гг.) и принимал русский язык за основу для кодификации русинского. В этой связи можно отметить также грамматику Михаила Михайловича Лучкая (1789–1843), изданную в Вене на латинском языке в 1830 г.: «Grammatica Slavo-Ruthena seu Vetero-Slavicae lingua». Все ранние грамматики основывались на понимании русинского языка как диалекта великорусского. В данном направлении двигались и первые исследователи, предпринимавшие попытки осмысления русинской национальной идентичности. В первую очередь это работы XIX в., которые были написаны русинами, обосновавшимися в Петербурге [Орлай 1804].

Против русофильства, господствующего в среде русинской элиты, выступал Бенеш, пытаясь доказать безосновательность стремлений связать русинские наре-

чия с великорусским языком. Бенеш относил начало русофильства в этом регионе к военной кампании 1848–1849 г. (помощь русской армии в подавлении Венгерского восстания), подчеркнув тем самым краткость периода соотнесения русинов с великороссами, что лишь отчасти соответствовало правде (действительно, оживление русофильских настроений было спровоцировано пребыванием в регионе русской армии): «Эпизод 1848–1849 гг., когда русские войска вступили на венгерскую территорию, оставил глубокий след в сердцах угорских русинов и определил направление их национального возрождения: пришло время русофильского миссионерства, которое привело к принятию русского языка в качестве литературного и изменило процесс самостоятельного развития языка и нации» [Beneš 1934, s. 8].

К началу XX в. на территориях Подкарпатской Руси получила распространение еще одна теория, которая соотносила язык подкарпатских областей с украинским диалектом и соответственно предлагала кодифицировать его на основе украинского. Однако идея о существовании отдельного русинского языка, определявшего не только национальность, но и страну — Русинско, до образования Подкарпатской Руси еще не звучала. Вероятно, мысль о возможном создании русинской автономии возникла под воздействием основных идеологических установок Парижской мирной конференции, которые закрепляли право нации на самоопределение и образование государства. Таким образом, для того чтобы Подкарпатская Русь была признана в качестве нового государственного образования (автономии в рамках Чехословакии), необходимым условием становилось наличие всех атрибутов государствообразующего народа, среди которых важное место занимали язык, культурная общность и культурная память.

Однако русинское сообщество, еще не готовое к широкой политической, культурной и административной автономии, оказалось не готовым и к кодификации русинского языка без опоры на русский или украинский языки. Желание чехословацких властей признать существование еще одного славянского племени и еще одного восточнославянского языка опережало реальность.

Русинский культурный деятель и школьный инспектор Игорь Гусьнай заявлял: «В Подкарпатской Руси замечается в последнее время полный хаос в языковом отношении» [Гусьнай 1921, с. 1]. Гусьнай однозначно решал вопрос о судьбе отдельного русинского языка (орфография авторская): «На деле расходится здесь только о две культурные ориентации, русскую или украинскую, ибо третий узкотерриториальный “русинский” провинциализм никогда плодоносным быть не может» [Гусьнай 1921, с. 1]. О необходимости «odpolitizovat» («отполитизировать») языковые споры в Подкарпатской автономии, вывести их в сферу научной лингвистической дискуссии писал и Яромир Нечас, который в статье «Политическая ситуация в Подкарпатской Руси» сделал следующий вывод: языковой вопрос нужно решать как научную проблему, необходимо срочно изменить сложившуюся в регионе ситуацию. Нечас утверждал, что более всего область страдает не из-за экономической отсталости, которая привычна для данного региона, но из-за «политической филологии», ввергнувшей образованные элиты в хаос [Nečas 1997, s. 60]. О том, насколько велико было влияние языкового вопроса на стабильность региона, свидетельствуют строки из меморандума, направленного в канцелярию президента республики членами русофильского общества им. Александра Духновича в Ужгороде: «...То, что творится сейчас в школьном образовании, вызывает у нас недоверие

и разочарование. Вместо литературного русского языка повсеместно введен в наших школах вымышленный “русинский язык”. Наши учителя в большинстве своем — украинские сепаратисты, которые пришли из Галиции и стараются создать новый “русинский язык” [Dokumenty o Podkarpatské Rusi 1997, s. 46].

Представляется, что именно «политизация» языковых дискуссий, спровоцированная крайне размытой в 1919–1920 гг. подкарпатской политикой правительства Чехословакии, стала причиной разделения русинской интеллигенции на два лагеря: «галицийских псевдоукраинских сепаратистов» и «москвофилов-фанатиков» (оба выражения принадлежат И. А. Волошину, который активно использовал их на страницах своей книги «О письменном языке подкарпатских русинов») [Волошин 1921]. Однако жителей Подкарпатской Руси эти дискуссии касались мало, поскольку уровень грамотности в регионе к 1930 г., после десятилетия культурно-просветительской работы, был невысок.

Первая Чехословацкая республика столкнулась с подобной «политической филологией» в 1920-е годы, присоединив к своей территории подкарпатские области. Изучение чехословацкой «политической филологии» может иметь несколько направлений: лингвистическое, затрагивающее вопросы кодификации русинского языка; культурологическое и историко-литературное, предметом которого могут служить работы русских и украинских ученых, приехавших в Чехословакию в рамках «русской акции» чехословацкого правительства и участвовавших в культурной и научной жизни региона. Последний вопрос актуален для отечественной славистики, поскольку практически не существует исследований, материалом для которых стали бы научные взгляды русских ученых-эмигрантов на литературу и историю Подкарпатской Руси, фольклор и прикладное искусство региона. Между тем русский язык был одним из компонентов культурного многоязычия, характерного для первой Чехословацкой республики, поскольку параллельно с процессом создания карпаторусской автономии разворачивалась масштабная правительственная акция в поддержку русской эмиграции, получившая название «русской акции» чехословацкого правительства². Исследованием этого явления занимались отечественные и зарубежные ученые Л. Белошевская, А. Копршилова, И. Савицкий, Е. П. Серапионова, Е. Чиняева и др.

«Русская акция» была ориентирована на видных деятелей российской науки и студентов, не сумевших получить образование вследствие революции и Гражданской войны в России. Направленность акции на поддержку определенного культурного слоя русской эмиграции была обусловлена особенностями научного и политического мировоззрения Масарика. На протяжении нескольких десятилетий чешский ученый и философ исследовал «русский вопрос»³, исторически оказав-

² «Русская акция» уходила корнями в глубины чешской и словацкой истории и имела предпосылки в работах будителей, славянских патриотов периода национального возрождения. Проект не увенчался бы успехом, если бы проводился по инициативе одного человека (даже если этим человеком был авторитетный президент-освободитель). Она стала продолжением тех политических и культурных процессов, которые протекали в Чехии и Словакии начиная с конца XVIII в. и совпала с общим русофильским настроением чехов и словаков, идущим от идеологии «славянской взаимности» и «русофильского панславизма».

³ Термин Масарика, который называл «русским вопросом» (‘Ruská otázka’), в противопоставление «чешскому вопросу» (‘Česká otázka’), споры об особом положении России среди других славянских народов и комплекс идей о роли Русского государства в истории Европы. Под «чешским

шийся в центре внимания чешской культурной и политической элиты со времен национального возрождения.

Масарик понимал, что некомпетентность чешских общественных деятелей в области истории и культуры России заставляет их переоценивать возможную помощь со стороны России. Чешский президент долгое время работал над осмыслением роли России в славянском мире, привлекая для построения своей научной аргументации историю и литературу этой страны⁴.

Посетив несколько раз Россию, Масарик пришел к выводу, что русский народ в основном не образован и склонен к мистицизму. По мысли чешского ученого, именно необразованность низших слоев населения и «полуобразованность» народных вождей стали главной причиной, толкнувшей Россию в пропасть революции и кровавой Гражданской войны. Это положение Масарик последовательно доказывал в статье «О большевизме», написанной в сложный для внутривнутриполитической жизни Чехословакии момент усиления левой оппозиции: «...В России вы не найдете ни коммунизма, ни социализма, и все потому, что русский народ просто недостаточно образован для социализма» [Masaryk 1921, s. 11]. Исходя из подобных установок, Масарик решил предоставить русским беженцам качественное образование, которое поможет вывести страну из кризиса.

В 1922 г. Масарик направил правительствам многих европейских стран меморандум «Помощь России со стороны Европы и Америки» [Otevřít Rusko Evropě 1922], на страницах которого была изложена суть акции помощи русским беженцам. По мысли чешского президента, ни финансовая помощь со стороны других государств, ни открытая интервенция в большевистскую Россию, на которой настаивал Крамарж, не были эффективным и дальновидным способом решения «русского вопроса». Россию могли спасти только сами русские, но для этого им нужно было оказать посильную помощь в виде предоставления качественного образования; единственными русскими, на которых Европа могла оказать влияние, были эмигранты, о благополучии которых и надлежало позаботиться правительствам европейских государств. Высокообразованная элита из эмигрантской среды в будущем заменила бы правительство большевиков и встала во главе обновленного демократического Российского государства, что позитивно сказалось бы на экономической стабильности и политическом равновесии в Европе.

Не получив поддержки со стороны европейских правительств, Масарик начал проводить намеченную в меморандуме политику через МИД Чехословакии⁵. Право на получение ежемесячного пособия (иждивения) в рамках акции помощи имели не только студенты и профессора, но и некоторые представители творческой интеллигенции, что привлекало в Чехословакию писателей, художников и журналистов, которые, однако, играли второстепенную роль в жизни русской Праги, соз-

вопросом» Масарик подразумевал проблемы, связанные с чешской историей, призванием чешского народа, а также поиском верного пути развития чешской и словацкой государственности [Masaryk 1895].

⁴ Результатом долгих размышлений о России и русском народе стал трехтомный труд «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России». Первые два тома книги впервые были напечатаны на немецком языке [Masaryk 1913]. Русский перевод появился только в начале XXI в. [Масарик 2000–2004].

⁵ Помощь русским беженцам предоставлялась с 1921 г., но наибольший масштаб она приобрела к 1922 г.

дававшейся как центр научной и университетской жизни. Правительственной поддержкой пользовались многие русские учреждения, основанные в Чехословакии, в том числе издательства, журналы и газеты, эмигрантские объединения.

Чехословацкое правительство создало все условия для превращения Праги в европейский центр «русского рассеяния»: студенты получали возможность продолжить образование, пользуясь правительственной стипендией, писатели получали материальную поддержку и возможность печататься. Финансирование, оказанное чехословацким правительством, распространялось на поддержку русских периодических изданий, издательств и ряда эмигрантских учреждений.

Изучение Подкарпатской Руси и развитие «русской акции» были взаимосвязанными процессами в общей политике чехословацкого правительства. Не случайно именно русские эмигранты принимали участие в освоении, собирании и изучении культуры пограничного региона (так, С. К. Маковский (1877–1962) курировал крупнейшую выставку карпаторусской народной культуры, прошедшую в 1920-е годы в Праге⁶).

Политическая жизнь Чехословакии в первые годы существования республики характеризовалась крайне напряженной национальной обстановкой, которую можно назвать культурным многоязычием. В этом многоязычии подкарпатские русины тоже имели свой голос и свою «политическую филологию», на которую оказывали существенное влияние национальная политика Масарика, а также деятельность чешских ученых, командированных в эти земли, и русских эмигрантов, оказавшихся в Чехословакии в рамках «русской акции».

Литература

- Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в первой Чехословацкой республике (1918–38). М.: НЛЮ, 2008. 214 с.
- Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 448 с.
- Волошин А. И. О письменном языке подкарпатских русинов. Ужгород: Просвіта, 1921. 40 с.
- Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Прага: Чешская школа политических учений, 1925. 116 с.
- Гусьнай И. И. Языковой вопрос в Подкарпатской Руси. Пяршев: Книгопечатня Св. Николая, 1921. 32 с.
- До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Индрик, 2009. 427 с.
- Духнович А. В. Истинная история Карпато-Россов. Монтреал: Просвіта, 1981. 98 с.
- Карпатские русины в славянском мире. Актуальные проблемы. М.; Братислава: Издал Степаненко, 2009. 271 с.
- Лучкай М. М. Історія карпатських русинів. Ужгород: Ужгородський Національний університет, 1999–2004. 420 с.
- Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России: в 3 т. СПб.: РХГА, 2000–2004. Т. 1 — 448 с.; т. 2 — 718 с.; т. 3. — 576 с.
- Народное искусство Подкарпатской Руси. Прага: Пламя, 1922. 155 с.
- Орлай И. С. История о карпато-россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся // Северный Вестник. 1804. № 6. С. 158–172; № 7. С. 261–276.
- Щербакова Ю. А. Чехи и словаки: вместе и врозь (опыт новой государственности): аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2006. 48 с.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 1991. 247 с.

⁶ По материалам этой выставки С. К. Маковский подготовил и издал книгу: [Народное искусство Подкарпатской Руси 1922].

- Bakke E. Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction 1918–1938. Oslo: University of Oslo, 1999. 557 c.
- Beneš E. Podkarpatsko a jeho vstah k Československu. Praha: Česká Expedice, 1996. 10 s.
- Carpatho-Rusyn Studies: An Annotated Bibliography /ed. P.R. Magosci. London; New York: Garland Publishing, 1988–2012. Vol. 1 — 263 p.; vol. 2 — 280 p.; vol. 3 — 290 p., vol. 4 — 280 p., vol. 5. — 260 p.
- Deák L. Hra o Slovensko. Bratislava: Veda, 1991. 240 p.
- Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha: Česká Expedice, 1997. 32 s.
- Dostál J. Podkarpatská Rus. Praha: Československý klub turistů, 1936. 23 s.
- Hartl A. Kulturní život osvobozené Podkarpatské Rusi. Praha: Národnilisty, 1924. 18 s.
- Hatalak P. Jak vznikla myšlenka připojit Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod: Podkarpatské-Hlasy, 1935. 25 s.
- Hora A. Podkarpatská Rus. Přehled poměrů Karpatoruských. Praha: Vydavá Československý Cizinecký Úřad. 1919. 38 s.
- Kárník Z. Českoslovenští Němci. Návrat německé politiky do Československá // Kárník Z. České země v éře první republiky 1918–1928. Praha: Libri, 2000. S. 83–94.
- Kazbunda K. Otázka česko-německá v předvečer velké války. Praha: Karolinum, 1995. 477 s.
- Kochanyj-Gorolčuk K. Podkarpatská Rus v minulosti a přítomnosti. Praha: Státní Nakladatelství, 1931. 160 s.
- Kovtun J. Republika v nebezpečném světě. Éra prezidenta Masaryka. Praha: Torst, 2005. 898 s.
- Král J. Podkarpatská Rus. Praha: Král, 1924. 122 s.
- Krofra K. Podkarpatská Rus a Československo. Praha: Česká Expedice, 1995. 41 s.
- Masaryk T. G. O bolševictví. Praha: Knihovnické Služby, 1921. 96 s.
- Masaryk T. G. Otevřít Rusko Evropě: dvě stati k ruské otázce v roce 1922. Praha: Společnost, 1922. 63 s.
- Nečas J. Politická situace na Podkarpatské Rusi (rok 1921). Praha: Česká Expedice, 1997. 35 s.
- Olbracht I. Hory a staletí. Praha: Melantrich, 1935. 238 s.
- Pospišil I., Zelenka M. Česko-slovenská vzájemnost a nevzájemnost. Brno: Masarykova univerzita, 2000. 148 s.
- Podkarpatská Rus: sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě: Klub přátel Podkarpatské Rusi, 1936. 330 s.
- Pešek J. Kulturní poměry a osvětova práce v Podkarpatské Rusi. Užhorod: Ždímal a Vetešník, 1921. 18 s.
- Rádl E. Válka Čechů s Němci. Praha: Melantrich, 1993. 295 s.
- Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava: Veda, 1997. 360 s.

Для цитирования: Егорова К. Б. Подкарпатская Русь в контексте культурного многоязычия первой Чехословацкой республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 198–210. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.415

References

- Bobrákov-Timoshkin A. *Proekt «Chekhoslovakiia»: konflikt ideologii v pervoi Chekhoslovatskoi respublike (1918–38)* [Czechoslovak project: ideological konflikt in the first Czechoslovak republic (1918–38)]. Moscow, NLO Publ., 2008, 214 pp. (In Russian)
- Vlast' i obshchestvo: neproste vzaimootnosheniia (Strany Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XX veke)* [Power and society: a complex relationship (the countries of Central and South-Eastern Europe in the twentieth century)]. Moscow, Publ. by the Institute of Slavic Studies, 2008, 448 pp. (In Russian)
- Voloshin A. I. *O pis'mennom iazytse podkarpatskikh rusinov* [Written language of Subcarpathian Rusyns]. Užhorod, Prosvita Publ., 1921, 40 p. (In Russian)
- Vosem' lektzii o Podkarpatskoi Rusi* [Eight lectures on Subcarpathien Rus]. Prague, Czech school of political studies Publ., 1925, 116 pp. (In Russian)
- Gusnaj I. I. *Iazykovoii vopros v Podkarpatskoi Rusi* [Language question of the Subcarpathian Rus.]. Presov, St. Nicolas Publ., 1921, 32 pp. (In Russian)
- Do i posle Versalia: Politicheskie lidery i ideia natsional'nogo gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Before and after Versailles: Political leaders and the idea of national States in Central and South-Eastern Europe]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 427 pp. (In Russian)
- Duhknovich A. V. *Istinnaiia istoriia Karpato-Rossov* [The true history of the Carpatho-Russia]. Montreal, Prosvita Publ., 1981, 98 pp. (In Russian)
- Karpatskie rusiny v slavianskom mire. Aktual'nye problemy* [Carpathian Rusyns in the Slavic world. Topical problems]. Moscow; Bratislava, Publ. by Stepanenko, 2009, 271 pp. (In Russian)

- Luchkay M. M. *Istoriia karpats'kikh rusiniv* [History of Carpatho-Rusyns]. Uzhgorod, National University of Uzhgorod Press, 1999–2004, 420 pp. (In Ukrainian)
- Masarik T. G. *Rossiiia i Evropa. Esse o dukhovnykh techeniakh v Rossii* [Russia and Europe. Essay on spiritual movements in Russia]: in 3 vols. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2000–2004, vol. 1 — 448 pp.; vol. 2 — 718 pp.; vol. 3 — 576 pp. (In Russian)
- Narodnoe iskustvo Podkarpatskoi Rusi* [Folk art of Subcarpathian Rus]. Prague, Plama [Light] Publ., 1922, 155 pp. (In Russian)
- Orlay I. S. *Istoriia o karpato-rossakh ili o pereselenii rossiiian v Karpatskie gory i o priklucheniakh, s nimi sluchivshikhsia* [The Story of Carpatho-Russia or on the resettlement of Russians in the Carpathian mountains and the adventures happened with them]. *Severnyi Vestnik* [North Review], 1804, no. 6, pp. 158–172; no. 7, pp. 261–276. (In Russian)
- Scherbakova Yu. A. *Chekhi i slovaki: vmeste i vroz' (opyt novoi gosudarstvennosti): analiticheskii obzor* [Czechs and Slovaks: together and apart: an analytical review]. Moscow, ed. by the Institute of Scientific Information on Humanities, 2006, 48 pp. (In Russian)
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New-York, Verso, 1991, 247 pp.
- Bakke E. *Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction 1918–1938*. Oslo, University of Oslo, 1999, 557 pp.
- Beneš E. *Podkarpatsko a jeho vstah k Československu* [Subcarpathian Rus and its relations to Czechoslovakia]. Prague, Česká Expedice [Czech Expedition] Publ., 1996, 10 pp. (In Czech)
- Carpatho-Rusyn Studies: an Annotated Bibliography*. Ed. by P. R. Magosci. London, New York, Garland Publishing, 1988–2012, vol. 1 — 263 pp.; vol. 2 — 280 pp.; vol. 3 — 290 pp.; vol. 4 — 280 pp.; vol. 5 — 260 pp.
- Deák L. *Hra o Slovensko* [Slovensko play]. Bratislava, Veda Publ., 1991, 240 pp. (In Slovak)
- Dokumenty o Podkarpatské Rusi* [Documents on Subcarpathian Rus]. Prague, Česká Expedice [Czech Expedition] Publ., 1997, 32 pp. (In Czech)
- Dostál J. *Podkarpatská Rus* [Subcarpathian Rus]. Prague, Československý klub turistů [Czech tourist club] Publ., 1936, 23 pp. (In Czech)
- Hartl A. *Kulturní život osvobozené Podkarpatské Rusi* [Cultural life of free Subcarpathian Rus]. Prague, Národní listy [National newspaper] Publ., 1924, 18 pp. (In Czech)
- Hatalak P. *Jak vznikla myšlenka připojení Podkarpatskou Rus k Československu* [How the idea of Subcarpathian Rus emerged]. Uzhorod, Podkarpatské Hlasy [Subcarpathian voices] Publ., 1935, 25 pp. (In Czech)
- Hora A. *Podkarpatská Rus. Přehled poměrů Karpatoruských* [Subcarpathian Rus. Overview of Subcarpathian intentions]. Prague, Československý Cizinecký Úřad [Czech foreign ministry] Publ., 1919, 38 pp. (In Czech)
- Kárník Z. *Českoslovenští němci. Návrat německé politiky do Československá* [Czechoslovak Germans. The return of German politics in Czechoslovakia]. Kárník Z. *České země v éře první republiky 1918–1928* [Czech country in the era of the First Republic, 1918–1928]. Prague, Libri Publ., 2000, pp. 83–94. (In Czech)
- Kazbunda K. *Otázka česko-německá v předvečer velké války* [Czech-German question on the eve of the Great War]. Prague, Karolinum Publ., 1995, 477 pp. (In Czech)
- Kochanyj-Gorolčuk K. *Podkarpatská Rus v minulosti a přítomnosti* [Subcarpathian Rus at past and present]. Prague, Státní Nakladatelství Publ. [State Publishing House], 1931, 160 pp. (In Czech)
- Kovtun J. *Republika v nebezpečném světě. Éra prezidenta Masaryka* [Republic in a dangerous world. The era of President Masaryk]. Prague, Torst Publ., 2005, 898 pp. (In Czech)
- Král J. *Podkarpatská Rus* [Subcarpathian Rus]. Prague, Publ. by J. Král, 1924, 122 pp. (In Czech)
- Krofa K. *Podkarpatská Rus a Československo* [Subcarpathian Rus and Czechoslovakia]. Prague, Česká Expedice [Czech Expedition] Publ., 1995, 41 pp. (In Czech)
- Masaryk T. G. *O bolševictví* [About the bolshevism]. Prague, Knihovnické Služby [Library services] Publ., 1921, 96 pp. (In Czech)
- Masaryk T. G. *Otevřít Rusko Evropě: dvě stati k ruské otázce v roce 1922* [Open Russia to Europe: two approaches to Russian question in 1922]. Prague, Společnost [Society] Publ., 1922, 63 pp. (In Czech)
- Nečas J. *Politická situace na Podkarpatské Rusi (rok 1921)* [Political situation in Ruthenia (1921)]. Prague, Česká Expedice [Czech Expedition] Publ., 1997, 35 pp. (In Czech)
- Olbracht I. *Hory a staletí* [Mountains and centuries]. Prague, Melantrich Publ., 1935, 238 pp. (In Czech)
- Pospišil I., Zelenka M. *Česko-slovenská vzájemnost a nezájemnost* [Czech-Slovak reciprocity and Non-Mutuality]. Brno, Masarykova univerzita [Masaryk University] Publ., 2000, 148 pp. (In Czech)

Podkarpatská Rus: sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi [*Ruthenia: a collection of economic, cultural and political understanding Ruthenia*]. Bratislava, Klub přátel Podkarpatské Rusi [Club of Friends of Carpathian Ruthenia] Publ., 1936, 330 pp. (In Czech)

Pešek J. *Kulturní poměry a osvětova práce v Podkarpatské Rusi* [*Cultural relations and educational work in Ruthenia*]. Uzhgorod, Ždímal a Vetešník [Zhdimal a Veteshnik] Publ., 1921, 18 pp. (In Czech)

Rádl E. *Válka Čechů s Němci* [*War Czechs and Germans*]. Prague, Melantrich Publ., 1993, 295 pp. (In Czech)

Rychlík J. *Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945* [*Czechs and Slovaks in the 20th century. Czech-Slovak relations from 1914 to 1945*]. Bratislava, Veda Publ., 1997, 360 pp. (In Czech)

For citation: Egorova K.B. Subcarpathian Rus in the context of cultural plurality of the first Czechoslovak republic. *Vestník of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 4, pp. 198–210. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.415

Статья поступила в редакцию 19 мая 2016 г.

Рекомендована в печать 2 сентября 2016 г.